Приложение

Статистические данные свидетельствуют о тревожном омоложении контингента, вовлекаемого в экстремистскую деятельность, причем эта тенденция характерна для Республики Беларусь, Российской Федерации, стран Азии, Европы и Северной Америки.

Проблема усугубляется тем, что традиционные социальные институты - семья, школа, система дополнительного образования - зачастую не успевают адаптироваться к новым технологическим вызовам и меняющимся социально-психологическим запросам молодого поколения.

Механизмы вовлечения молодежи в экстремистские сообщества

Возрастная уязвимость

Современные исследования указывают, что школьники в середине подросткового возраста *(ориентировочно 9 – 10 класс)* более восприимчивы к активизму и, в частности, радикализму. Лица, указанного возрастного ценза являются своеобразным ядром молодежного экстремизма.

Психологический портрет уязвимого подростка

Помимо общих возрастных особенностей, исследователи выделяют конкретный набор характеристик, повышающих риск радикализации.

Личностные черты и убеждения:

1. Низкая самооценка и неуверенность в себе *(поиск внешнего источника самоуважения)*.
2. Внешний локус контроля (*склонность приписывать события внешним силам, что коррелирует с восприимчивостью к конспирологии)*.
3. Низкая толерантность к неопределенности и высокая потребность в когнитивной завершенности *(стремление к быстрым, простым и догматичным ответам)*.
4. Черты «темной триады личности» *(макиавеллизм, нарциссизм, психопатия)* в сочетании с низкой эмпатией.
5. Авторитарные установки и склонность к дихотомическому мышлению *(деление событий и людей на две крайности)*.
6. Наличие ощущения неудовлетворенности базовыми потребностями *(в самоактуализации, значимости, самоуважении)*, чувство изоляции и отсутствие поддерживающих социальных связей, проблемы во взаимоотношениях с окружающими, острое переживание психической травмы *(насилия, потери близких)* повышают восприимчивость к радикальным идеям.

Эмпирический анализ позволяет выделить четыре качественно различных формы молодежного и подросткового экстремизма, каждая из которых характеризуется специфическими психологическими механизмами, мотивационной структурой, методами вовлечения и, что принципиально важно, требует дифференцированных стратегий противодействия.

Первая форма – активный (инициативный) экстремизм.

Его психологическую основу составляет поиск значимости, потребность в героизации собственных поступков и обретении «великой цели». Как правило, носителями этой формы выступают лидеры группировок, идейные вдохновители и «генераторы смыслов». Радикальная деятельность становится для них способом самореализации, преодоления экзистенциального вакуума и утверждения собственного превосходства. Вовлечение строится на апелляции к чувству избранности, исторической миссии и лидерским амбициям.

Вторая форма – пассивный (принудительный) экстремизм.

Здесь ведущим мотивом выступает не поиск значимости, а страх. Подросток вовлекается помимо своей воли – через систематическое запугивание, шантаж, угрозы жизни или здоровью (*как его самого, так и близких)*, а также через комбинацию угроз и вознаграждений *(в том числе денежных)*. Инициаторами давления могут выступать как ровесники, так и лица старшего возраста. Психологический механизм включает выученную беспомощность, подчинение авторитету и конформность, вызванную страхом изоляции или физической расправы.

Третья форма – индивидуальный экстремизм (феномен скулшутинга).

Данная форма характеризуется отсутствием внешней вербовки: субъект самостоятельно приходит к решению о насилии, часто подражая «героям» масс-шутингов. В основе лежит глубокая личная фрустрация, накопленная обида, психическая травма и неспособность найти конструктивный выход из кризиса идентичности. Насилие ритуализируется и воспринимается как акт «последней правды» или символического возмездия. Цифровая среда здесь выступает не столько инструментом вербовки, сколько усилителем уже сформировавшихся убеждений.

Четвертая форма – групповой («идейный») экстремизм.

Эта форма реализуется в рамках коллективной идентичности, где «мы» жестко противопоставлено «они». Вовлечение происходит через принятие групповых норм, ритуалов, символов и общего языка вражды. Идентичность здесь является некритически усвоенной, часто – транслированной от значимых взрослых или референтной группы сверстников. Методы вовлечения в эти сообщества полностью

воспроизводят логику экстремистской вербовки: алгоритмическое затягивание в «воронку радикализации» через контент о самосовершенствовании, формирование эхо-камер, культивирование образов «героев-мучеников».

Согласно мнению научных сотрудников РНПЦ Психического здоровья Республики Беларусь, наиболее опасными лицами, подверженными деструктивному поведению являются подростки с признаками асоциальной психопатии. Данная группа риска использует идеологию как эффективный инструмент для реализации своих патологических потребностей *(власть, агрессия, доминирование)* под видом «высокой цели».

Так, подросток с данными девиантными признаками, стремится к «практическому» использованию идеологии для оправдания насилия. В его поведении отмечаётся быстрая и поверхностная смена радикальных взглядов *(для поиска наиболее удобных)*. В высказываниях и действиях отсутствует эмпатия, при этом делается акцент на дегуманизации объекта посягательств. Данный тип обладает поверхностным «шармом» и умеет манипулировать сверстниками и взрослыми.

При этом подростки склонны отрицать ответственность, перекладывая вину на иных лиц, оппонентов, обстоятельства. Важным маркером является конфликт с социальными нормами, т.е. молодой человек проявляет асоциальное поведение *(кражи, алкоголь, побеги из дома, жестокое обращение с животными)* до момента заинтересованности экстремистскими течениями.

В этой связи можно градировать «идейного» радикала *(невротический тип)*, стремящегося к «справедливой картине мира», от подростка с асоциальной психопатией:

Так, «идейный» считает насилие вынужденной мерой, испытывая внутренний конфликт, глубоко привержен «идее», готов жертвовать собой, проявляет эмпатию к членам группы, прошлое благополучное, без криминала.

В свою очередь подросток с асоциальной психопатией воспринимает насилие как удовольствие, инструмент власти и развлечение, меняет взгляды в зависимости от выгоды, готов жертвовать другими, имеет «богатую» историю правонарушений и агрессии.

В этой связи специалисты РНПЦ отмечают, что сочетание у несовершеннолетнего жестокости, отсутствия раскаяния, антиобщественного поведения и внезапного возникшего интереса к радикальным идеям является наиболее тревожным сигналом, требующим вмешательства медицинских психологов, специализирующихся на расстройствах личности.